

Часто ли у вас в доме на столе бывают конфеты и пряники?

Да, в наши дни пряники и конфеты можно купить в любом магазине и есть их хоть каждый день.

А ведь когда-то были такие времена, когда пряники считали большой ценностью и ели их только в особые дни. А кусковой сахар! Невероятное лакомство! Я до сих пор помню этот звук трескающегося кусочка, когда мама ножом на ладони его колола. После войны это было первое лакомство, но чай с сахаром мы пили очень редко. Да и хранились все эти сладости в сундуке под замком.

Я росла в обычной советской семье: мама и папа постоянно были на работе, а приглядывала за нами бабушка, надо заметить – очень набожная старушка. В семье нас было трое детей: я – старшая, сестра Галя и брат Валера.

Вы знаете, каково быть старшим ребёнком в семье? Если да, то вы наверняка помните, как обижались на родителей за то, что приходилось отвечать за всё, что случилось за день, пока они были на работе. А случалось всякое!

Выходить на улицу зимой было нельзя, да и не в чем. Вот в силу своего возраста, мы придумывали игры, чтобы всем троим было интересно. Любимая наша игра была – прятки. В одну из таких игр, угораздило нас с Галей спрятаться за сундуком, в котором хранились заветные сладости. Валера был ещё маленьким и поэтому очень долго нас искал. Сидеть за сундуком, из которого доносился запах радости, было уже просто невозможно. Мою буйную голову начали посещать каверзные мысли: взять по одной конфетке, а вечером честно

признаться маме. Посоветовавшись с сестрой, мы выстроили план, по которому ближайших полчаса должен «голить» Валера. Полчаса нам оказалось предостаточно, чтобы найти ключ, открыть сундук и съесть по одной конфетке. Когда Валера нас нашёл, чувство стыда перемешалось с жалостью. Глядя на брата, мы пришли к единому мнению – выделить и ему одну конфетку. С братом тут же, пока он жевал, была проведена большая беседа о том, что ждёт того, кто выдаст наш секрет. Валера, с широко раскрытыми глазами, кивнул в знак понимания и согласия. Теперь мы уже все втроём сидели за сундуком и жевали конфеты, и нашему счастью не было предела. Осчастливили свои животы, и время полетело гораздо быстрее. Ближе к вечеру чувство тревоги стало нарастать, но осознав, что мама не заметила убытка, улетучилось совсем.

Но вдруг, когда мама вечером, после ужина, раздала нам по одной конфетке, которые мы тут же уплели, за столом раздался тихий, предательский голос Валеры:

– А я что-то знаю!

Непосильное чувство ответственности надавило на мои хрупкие детские плечи, не давая вздохнуть свободно, окаменевшей ногой под столом я попыталась толкнуть брата.

– А я что-то знаю! – ещё громче и увереннее произнёс Валера. Ни мои пинки, ни Галины кулаки, и все движения, которые происходили под столом, уже не могли остановить меч, нависший над нашими с сестрой головами.

– Что ты знаешь, сынка? – спросила мама и положила ему ещё одну конфетку!

– А Тамара с Галей брали конфеты из сундука! – произнёс Валера, разворачивая свой суперприз.

Надо ли описывать весь воспитательный процесс, который нам пришлось пережить, а мне, как старшей, ещё и прочувствовать.

В завершении всего, когда мы уже все втроем сидели на печке, выглядывая из-за занавески, отделяющей нас от просторства кухни, где восседала на своём сундуке бабушка Дуня, пришло неожиданное спасение.

Бабушка слезла с сундука, встала на колени перед образами и стала отчаянно молиться о спасении наших с Галей душ. Непонятными нам словами, она пыталась объяснить богу, что мы ещё маленькие, глупенькие и больше так не будем!

Этот урок мы с сестрой усвоили на всю жизнь. Грешили? Да, но Валерку больше с собой не брали.

Валера рос болезненным ребёнком, мама его жалела, да и мы с сестрой также жалели меньшего брата.

Летом нас с Галей родители брали на покос. Тяжёлое, совсем не детское занятие, скажу я вам. В эти дни Валера оставался дома с бабушкой.

И вот в один из таких дней из заветного сундука опять пропали пряники!

Сидя на печи, которая занимала половину площади кухни, мы слышали первые признаки, что обнаружилась пропажа: с грохотом крышка сундука опустилась на своё место, уверенные мамины шаги быстро приближались к нашему убежищу.

Мы с Галей переглянулись – наше алиби было железное! – Валера, сынка, а дэ прянички? – спросила мама.

Валера, с печальными и абсолютно честными глазами, сел на краешек печи, свесил свои худенькие ножки, произнёс:

– Ну, слушайте, мамо, – и Валера начал рассказ: – Сижу я на печи, вдруг: тук-тук! Я говорю: Кто там? – А оттуда: Это я, Серый волк. Дэ ваши прянички? – Я ему показав, он все пряники забрав, один мне дав, ушёл. Меня, спасибо, не тронул, – закончил свой рассказ Валера.

Мы, конечно, все долго смеялись, и мама не очень ругала брата, но бабушка Дуня думала немного иначе.

– Грех-то какой, – не унималась старушка.

Да какой грех, голодные мы росли, слаще морковки да свеклы не было ничего. А конфетка или пряничек раз в день и то – в праздник.

Я с печи наблюдала, как бабушка Дуня открыла свой сундук, достала белый платок и повязала голову.

– Опять собралась молиться, – подумала я. Вдруг среди вещей в сундуке я заметила красивую картинку: молодую девушку вели под руки: с одной стороны ангел, а с другой чёрт. Я слезла с печи и поинтересовалась у бабушки, что означает эта картина?

– У каждого человека с рождения есть ангел, который идёт с ним по жизни и оберегает от плохих поступков. Но встречаются у нас на пути и демоны, которые толкают совершить грех. Понятно?

– Не очень, – ответила я.

– Однажды, когда я была маленькой, такой как ты, меня отругала соседская тётка за то, что я залезла к ней в сад. Ух, и попало мне тогда. Так вот, иду я мимо её колодца, а кто-то мне говорит: плюнь ей в колодец! А другой голос, что внутри меня, говорит: не делай этого!

– И что, баб, ты плюнула? – спросила я.

– Иди. Не мешай мне, – сказала бабушка и отвернулась к образам.

Я поплелась к печи, когда за моей спиной послышался тихий шёпот:

– Господи милостивый, прости мою душу грешную....

– Наверное, плюнула, – подумала я, – раз так усердно молится.